

Научная и педагогическая деятельность профессора Перфецкого в Словакии

М. Даниш

Для цитирования: Даниш М. Научная и педагогическая деятельность профессора Перфецкого в Словакии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 3. С. 961–982. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.317>

Статья обобщает уже известные и добавляет новые сведения о жизни и творчестве профессора Е. Ю. Перфецкого, который с 1922 по 1947 г., до конца жизни, занимался научной и педагогической деятельностью в Словакии. Перфецкий, выпускник Санкт-Петербургского университета, известный ученик А. А. Шахматова, оказался среди первых русских эмигрантов, приехавших в Чехословакию в 1921 г. В том же году получил предложение и рекомендации от В. Ягича и Л. Нидерле стать лектором в только что созданном Университете им. Я. А. Коменского в Братиславе. Главными направлениями научной деятельности Е. Перфецкого были история Подкарпатской Руси и сравнительно-аналитическое исследование средневекового летописания. В своих работах по истории Подкарпатской Руси он выступил сторонником проукраинской ориентации в русинском национально-культурном вопросе. Результаты компаративистских исследований Е. Перфецкого по русскому, немецкому, польскому, венгерскому и чешскому летописаниям значительно развили существовавшие познания и показали его как достойного продолжателя русской школы изучения летописей, основанной А. А. Шахматовым. Перфецкий поддерживал тесные научные контакты и сотрудничал с такими чешскими славистами как Я. Бидло, Л. Нидерле, К. Иречек, М. Вейнгарт, Й. Мацурек, профессором В. Ягичем в Вене, норвежским славистом О. Броком и другими известными славистами в Польше и Германии. Близкие научные связи поддерживал ученый и с рядом русских и украинских историков-эмигрантов. За время своей деятельности в Словакии Перфецкий заложил качественный фундамент для дальнейшего исторического исследования не только русского летописания, но и в целом всей Восточной Европы. Словацкое и чешское академические сообщества до сих пор обращаются к его научному наследию.

Ключевые слова: историческая наука, русская эмиграция, Е. Перфецкий, научные контакты, Словакия, Университет Коменского в Братиславе.

Миролав Даниш — PhD, проф., Университет Коменского в Братиславе, Словакия, 81499, Братислава, ул. Гондова, 2; miroslav.danis@uniba.sk

Miroslav Daniš — PhD, Professor, Comenius University Bratislava, 2, Gondova, Bratislava, 81499, Slovakia; miroslav.danis@uniba.sk

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Scholarly and Educational Activities of Professor Perfecky in Slovakia

M. Danish

For citation: Danish M. Scholarly and Educational Activities of Professor Perfecky in Slovakia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 3, pp. 961–982.

<https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.317> (In Russian)

The presented study synthesizes both established as well as most recent knowledge on the life and work of Professor Eugen Yulianovich Perfecky, who worked in Slovakia from 1922 until his death in 1947. He was, among other things, a graduate of the University of St Petersburg and an outstanding student of Professor A. A. Shakhmatov. The first group of Russian scholars came to Czechoslovakia in 1921, and in the same year, at the suggestion and recommendation of Prof. Vatroslav Jagič and Lubomír Niederle, he received an invitation to the newly established Comenius University in Bratislava. Within E. Perfecky's scholarly work, the two most important areas of research were: the history of Subcarpathian Rus' and analytical and comparative research of medieval chronicles. E. Perfecky was a supporter of the Ukrainian orientation of the national culture of Subcarpathian Russia. The outcomes of his research, particularly in the comparative studies of Russian chronicles with German, Polish, Hungarian, and Czech chronicles, significantly advanced the respective expertise, thus making him a worthy successor to the Russian textological research of early Russian chronicles pioneered by A. A. Shakhmatov. E. Perfecky maintained a great scholarly network and worked closely with C. Slavists, such as J. Bidlo, L. Niederle, K. Jireček, M. Weingart, J. Macurek. He cooperated with Professor Jagich in Vienna, with the Norwegian Slavist O. Brok, and other leading Slavists in Poland and Germany. E. Perfecky also collaborated with a number of Russian and Ukrainian emigrant historians. In Slovakia, E. Perfecky laid a solid foundation for further historical research of Russian chronicles as well as for studies of the history of Eastern Europe.

Keywords: historical science, Russian emigration, E. Yu. Perfecky, scholarly contacts, Slovakia, Comenius University in Bratislava.

Словацкая и чешская историография первой половины XX столетия рассматривала проблематику истории России и Восточной Европы в основном через призму событий, происходивших в Европе после Первой мировой войны и революций 1917 г. в России. Только узкий круг словацких и чешских историков изучал русскую и восточноевропейскую историю на профессиональной основе (например, Й. Йирасек, Й. Шкултети, Я. Бидло, Ф. Тихи, Я. Славик, З. Гаек, Й. Мацурек, Л. Нидерле). После 1918 г. к ним присоединилась многочисленная группа профессиональных, прежде всего русских и украинских, историков-эмигрантов. Это выдающиеся представители известных исторических школ (московской, петроградской и киевской), опирающихся на традиции русской историографии XIX в.: Е. Ф. Шмурло, Н. П. Кондаков, В. А. Мякотин, А. А. Кизеветтер, А. В. Флоровский, Н. В. Ястребов, В. А. Францев, П. Н. Милюков, Д. И. Дорошенко, Е. Ю. Перфецкий и др. Они стали влиятельной частью чехословацкого профессионального сообщества, интеграция в котором им была обеспечена ввиду того, что, владея качественной профессиональной аргументацией, они подходили к интерпретации истории с позиций критического восприятия наступающей марксистской советской научной реальности, находящих отклик в словацкой и чешской историографии межвоенного периода. Именно эмигрировавшими историками были подняты и рассмотрены темы, охватывавшие историю России с древнейших времен до современности. В том числе

и благодаря им словацкая историография и изучение истории России и Восточной Европы стали частью более широкого европейского научного интереса. Многие русские и украинские ученые стали выдающимися представителями сферы нашего высшего образования. Среди них особенный след в исторической науке и университетской педагогической деятельности в Словакии оставил Евгений Юлианович Перфецкий, который на протяжении 25 лет, с 1922 по 1947 г., преподавал на философском факультете Университета им. Я. А. Коменского в Братиславе, внося свой весомый вклад в развитие науки, образования и культуры Словакии.

Братислава, как наиважнейший и известнейший центр межвоенной Словакии, изначально была для большинства русских эмигрантов лишь транзитным городом. Часть эмигрантов, однако, приняла решение остаться здесь и поселилась в нем надолго. Братислава постепенно стала самым значимым центром русской эмиграции в Словакии. На жизнь русской общины влияла ее численность, в Братиславе жила примерно половина всех русских эмигрантов, поселившихся в Словакии (в 1932 г. их насчитывалось чуть более 500 чел.)¹. Первая группа русских ученых прибыла в Словакию в начале 1920-х гг., и именно перед ней встала задача пополнить своими кадрами формирующуюся университетскую систему в Словакии.

Первыми прибыли представители общественно-гуманитарных дисциплин, которые в Университете им. Я. А. Коменского в Братиславе преподавали отдельные славистические курсы (историю, филологию и этнографию славян). Персонально представляли эту группу такие личности, как русский славист и языковед В. А. Погорелов и историк Е. Ю. Перфецкий. Кроме педагогической деятельности ученые из России активно присоединились к словацкой научной жизни, став, помимо прочего, членами словацких научных сообществ (Ученое сообщество им. Й. Шафарика, Словацкое языковедческое сообщество) и публиковались в местных профильных научных журналах («Пруды», «Братислава», «Словенске погляды»)². Позднее, в 1930-х гг., начал преподавать на факультете естественных наук Университета им. Я. А. Коменского русский зоолог М. М. Новиков, бывший ректор Московского университета. Одним из тех, кто участвовал в формировании Словацкого технического университета в Братиславе, был геолог Д. Н. Андрусов. С началом Второй мировой войны завершился межвоенный этап деятельности русской эмиграции в Словакии. Военные годы (1939–1945 гг.) не помешали части эмиграции активно участвовать в общественной, культурной и научной жизни Словакии, но в то же время усилили внутреннюю дифференциацию эмигрантского сообщества. В Братиславском университете кроме упомянутых ученых в 1942–1945 гг. работал русский философ Н. О. Лосский, который, однако, в конце войны из Словакии уехал в Париж. В 1941 г. начал работать во вновь созданной Высшей торговой школе в Братиславе известный русский языковед А. В. Исаченко.

Е. Ю. Перфецкий родился 11 апреля 1888 г. в селе Носов Холмской губернии (в то время входящая в состав Российской империи часть Царства Польского)³. Происходил из семьи православного священника. По окончании классической гимназии

¹ Harbulová L. Osobnosti politického exilu z Ruska na Slovensku v rokoch 1920–1945. Prešov, 2015. S. 13.

² Ibid. S. 20.

³ Село Носов входило в состав гмины Витулин Константиновского уезда Седлецкой губернии. В 1912 г. Константиновский уезд перешел в состав новообразованной Холмской губернии.

в Седльце в 1908 г. изучал историю в Петербургском университете под руководством А. А. Шахматова и А. Ф. Платонова (история России), а также П. А. Лаврова и Н. В. Ястребова (история славян). В ходе обучения предпринял несколько поездок по Холмской области (1909 г.) и Архангельской губернии (1912 г.), по материалам которых написал свои первые научные работы («Особенности южной части мало-российской Холмщины и Полесья» и «Бытовые языческие черты в свадебных обрядах русского населения Архангельской губернии»). По завершении университета в 1912 г. продолжил образование как стипендиат Славянского отделения Петербургской академии наук в Венском университете (профессоры В. Ягич, К. Иречек, О. Редлих). После защиты магистерской диссертации в 1919 г. получил место доцента русской истории в Киевском университете (ученое звание доцента ему присвоено 2 сентября 1919 г.). Здесь он преподавал в 1919/1920 и 1920/1921 гг. курсы «Галицкая Русь в Польше в XIV–XVI столетия», «Положение казаков в XVI–XVII вв.», «Польша и история Закарпатья». Уже в это время он опубликовал несколько работ по истории Подкарпатской Руси, вслед за А. Л. Петровым и Ф. Ф. Аристовым, став историком, специализирующимся на этой проблематике⁴.

После закрытия Киевского университета в 1921 г. Е. Перфецкий эмигрировал в Чехословакию. В этом же году он получил приглашение в университет Братиславы (по рекомендации профессоров В. Ягича и Л. Нидерле). Е. Перфецкий приехал тогда в Словакию не первый раз, поскольку уже в 1912–1914 гг. во время учебы в Венском университете изучал архивные материалы в Кошицах, Прешове, Гуменном, Михаловцах, Чертижном и Красном Броде. После приезда в Братиславу в начале 1922 г. о Перфецком заботился комитет, оказывавший поддержку русским эмигрантам в Словакии, посредством которого он получил месячную финансовую поддержку в размере 300 чехословацких крон⁵.

В декабре 1921 г. Е. Ю. Перфецкий стал ассистентом исторического семинара на философском факультете Университета им. Я. А. Коменского и с февраля 1922 г. начал читать лекции, прежде всего по истории Подкарпатской Руси, которая в 1919 г. стала частью Чехословакии⁶. С 9 августа 1922 г. Е. Перфецкий работал как приват-доцент, а в следующем году начал читать лекции по истории России. На должность экстраординарного профессора он был назначен приказом от 28 февраля 1935 г. а на должность профессора — от 31 июля 1939 г. Помимо лекций по истории Подкарпатской Руси, он вел лекции и семинарские занятия по истории восточных сла-

⁴ Перфецкий Е. Ю.: 1) Обзор угорорусской историографии // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 19, кн. 1. СПб., 1914. С. 291–341; 2) Религиозное движение в XVI и начале XVII в. в Угорской Руси // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 20, кн. 1. СПб., 1915. С. 24–77; 3) Печатная церковно-славянская книга Угорской Руси в XVII и XVIII веках // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. № 2. СПб., 1916. С. 1–18; 4) Угорська Русь в XII ст. // Україна. 1917. Кн. 3–4. С. 79–84.

⁵ Его финансовая ситуация заметно улучшилась в 1935 г., когда он был выбран на должность экстраординарного профессора на философском факультете университета им. Я. А. Коменского. Историк Л. Гарбулёва на основании архивных материалов также приводит сведения, что Комитет также ему обеспечивал проживание в общежитии для русских студентов, но позже Е. Перфецкий указывал в качестве братиславского адреса дом № 395 по улице Новы Свет, а в 1930-х гг. проживал на улице Данковского в доме № 2. См.: *Harbuľová E. Ruská emigrácia a Slovensko. (Pôsobenie ruskej rooktôbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939)*. Prešov, 2001. S. 97–102.

⁶ *Dostalová M. Bratislavské roky historika Eugena Julianoviča Perfeckého // Slovanské štúdie*. Č. 1. Bratislava, 1998. S. 52.

вян, а также в течение 1940–1946 гг. преподавал средневековую историю Западной Европы⁷. Евгений Перфецкий работал на философском факультете университета с 1922 по 1947 г. Его университетская карьера началась с должности гостевого доцента и закончилась внезапной смертью в 1947 г. во время лечения в Бардеевских купелях в то время, когда он уже являлся деканом факультета.

Уже с первых лет основания философского факультета Университета им. Я. А. Коменского профессор М. Годжа и Е. Перфецкий обеспечивали преемственность изучения восточноевропейской истории, делая особую ставку на славянскую историю и ее изучение в рамках научной специализации. В 1922 г., когда профессор М. Годжа был назначен министром сельского хозяйства, на освободившееся место лектора по славянской истории на философском факультете при содействии самого Годжи был назначен доктор Е. Перфецкий. Постепенно он получил хабилитацию и вступил в звание при прямом участии Милана Годжи. Именно он был в 1934 г. инициатором и членом комиссии для избрания Е. Перфецкого экстраординарным профессором славянской истории наряду и другими кандидатами, среди которых были профессор В. А. Погорелов, Д. Рапант и В. Халоупеcki. Последний был долготлетним противником Е. Перфецкого и на заседании профессорского совета факультета в 1934 г. был против его назначения. Приверженность личным интересам и необъективность В. Халоупеcki критиковали профессор Д. Рапант и особенно профессор М. Годжа. В десятистраничном документе, содержащем обзор научной и педагогической деятельности Е. Перфецкого, М. Годжа в присутствии полного состава комиссии рекомендовал Е. Перфецкого на должность экстраординарного профессора⁸. В 1935 г. после избрания Е. Перфецкого профессором среди преподавательского сообщества философского факультета университета возникла полемика о содержательном наполнении лекций по восточноевропейской истории. В этом споре, как указывает М. Ю. Досталь, победила превалирующая среди преподавателей позиция, представителями которой были профессора В. Халоупеcki и Й. Рышанек, что под восточноевропейской историей нужно понимать прежде всего историю России. Этому противостоял подход профессора Д. Рапанта, который включал в нее также историю Польши и южных славян. Точка зрения Д. Рапанта совпадала с представлениями профессоров Я. Бидло и Н. В. Ястребова из Карлова университета, которые включали туда еще и неславянские народы⁹. В позиции профессоров философского факультета Университета им. Я. А. Коменского преобладал политический подход к разделению понятий «Восточная Европа», то есть Россия, и «славянство», что привело Е. Перфецкого к тому, что после окончания курса истории славянства он начал чтение нового курса под названием «История Восточной Европы и Балканского полуострова». Эта полемика выразилась и в фор-

⁷ Обзор полной лекторской и семинарской деятельности Е. Ю. Перфецкого см.: *Daniš M. Evgenij Julianovič Perfeckij a jeho podiel na rozvoji slovenskej historickej vedy // Acta historica Posoniensia XXIX. O. Losskij a podiel ruskej inteligencie v emigrácii na rozvoj slovenskej vedy. Bratislava, 2015. S. 2–28.*

⁸ См.: Архив философского факультета Университета им. Я. А. Коменского. В частности данные Регистрационного центра философского факультета Университета им. Я. А. Коменского в Братиславе; личное дело Е. Ю. Перфецкого; выписку из протокола 6-го заседания профессорского собрания философского факультета Университета им. Я. А. Коменского в Братиславе 14 марта 1934 г. На последний документ мы будем опираться и далее.

⁹ *Dostalová M. Bratislavské roky historika Eugena Julianoviča Perfeckého. S. 55.*

мальном вычленении отделения славянской истории в рамках Исторического семинара в 1940 г., во главе которого до самой своей смерти стоял Е. Перфецкий¹⁰.

В рамках организационной деятельности Е. Перфецкого на философском факультете Университета им. Я. А. Коменского была весьма заметной его деятельность в библиотеке Исторического семинара. Благодаря его международным научным контактам в фондах библиотеки до сих пор находится несколько тысяч томов исторической литературы и источников по русской и польской истории периода второй половины XIX — первой половины XX в. Многие из них являются единственными экземплярами, находящимися в фондах словацких библиотек.

Помимо учебной работы, преподаватели философского факультета Университета им. Я. А. Коменского принимали участие и в научно-просветительской деятельности по всей территории Словакии, а в межвоенный период также и в Подкарпатской Руси. Профессор Перфецкий прочитал в 1922–1931 гг. около 40 лекций по истории России, а также Подкарпатской Руси. Как он отмечал в 1933 г., в своей просветительской лекционной деятельности ему хотелось познакомить словацкую общественность прежде всего с русским взглядом на славянство: «Особенно я хотел подчеркнуть те перспективы, которые в будущем приведут русский народ к сближению и искренней любви к чехам и словакам и Чехословацкой Республике»¹¹. Профессор Перфецкий читал лекции и на курсах для школьных учителей, где также уделял внимание истории России, Украины и восточных славян, идеологическим и духовным основаниям русской истории в XIX–XX вв.¹²

Профессор Перфецкий был членом Словацкого научного общества, Чехословацкого общества по изучению национального вопроса в Праге, Научного общества им. П. Й. Шафарика, а также экзаменационной комиссии для учителей гимназий.

В рамках научной деятельности Е. Ю. Перфецкого две области оказались особенно важными для его изысканий: история Подкарпатской Руси и аналитическое (сравнительное) изучение средневекового летописания (русского, польского, чешского и немецкого).

В своих научных трудах, посвященных истории Подкарпатской Руси Перфецкий выступает сторонником проукраинской ориентации национальной культуры русинов, став на сторону «украинофилов» в дискуссиях между украинской и рус-

¹⁰ *Matejko L. Slavistické súvislosti historiografie // Štúdium slovanských filológií na FiF UK v Bratislave. Bratislava, 1996. S. 22.*

¹¹ *Harbuľová L. Ruská emigrácia a Slovensko. S. 101.* — Профессор Перфецкий читал лекции в Банской Быстрице, Левице, Брезно, Римавской сототе, Кремнице, Кежмарке, Левоче, Спишской Новой Все, Михаловцах, Гуменном, Мукачеве, Береговом и т. д. О его лекциях 10 февраля 1931 г. вышла заметка в периодическом издании «Словенски денник» («Slovenský denník»). В ней говорилось: «В рамках публичных лекций Университета Коменского профессор Евгений Перфецкий выступит со своим, посвященным Восточной Словакии и Подкарпатской Руси. Доктор Е. Перфецкий будет читать лекции в течение всей этой недели на темы “Подкарпатская Русь в Средневековье” и “Отношения Подкарпатской Руси и Галиции к России в 18 и 19 вв.” в следующих городах: 9 февраля — в Михаловцах, 10 февраля — в Гуменном, 11 февраля — в Ужгороде, 12 февраля — в Мукачеве, 14 февраля — в Береговом. Профессор Перфецкий в течение 1930 г. был приглашен как лектор в 15 городов Словакии и Подкарпатской Руси, где читал лекции по истории России и Подкарпатской Руси» (См.: *Slovenský denník. Roč. XI, č. 33. 10.02.1931. S. 6.* — Перевод М. Даниша).

¹² Перфецкий читал лекции также в Ужгороде (1923 г.), Мартине (1927 г.) и Прешове (1928 г.). См.: *Гривна В. Эвген Перфецкий (11.04.1888 — 18.08.1947) // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 1977. № 8. S. 367.*

ской эмиграцией в Чехословакии¹³. По проблематике истории Подкарпатской Руси уже в 1923 г. в первом номере сборника Философского факультета Университета Коменского в Братиславе вышли две работы Перфецкого¹⁴. В одной из них он предлагает общий обзор историографии Подкарпатской Руси, в рамках которого указывает наиболее значительные исследования. Вторая статья посвящена личности князя Ф. К. Мукачевского и на основании достоверных источников доказывается, что его Привилегия 1360 г. была фальшивкой. Угрорусской историографией Е. Ю. Перфецкий занимался уже в 1914 г., где анализировал ее проблематику в период с 1641 г. по начало XX в., находя много тенденциозности, априорности, но и выделяя несколько удачных работ¹⁵. Наиболее значимой работой Е. Ю. Перфецкого по истории Подкарпатской Руси стала изданная в 1924 г. в Братиславе монография «Социально-экономические отношения в Подкарпатской Руси в XIII–XV вв.»¹⁶. После краткого введения в древнюю историю региона Перфецкий рассмотрел проблематику заселения данной территории, доказав, что изначально были заселены лишь низинные области, а подгорные области постепенно заселялись с XIII по XVII в. В следующей главе он разбирает развитие территориального самоуправления и эволюцию отдельных социальных групп, из которых в течение Средневековья формировался крепостной слой. Значительное внимание автор уделил и сельской колонизации, происходившей по нормам немецкого и валашского права. В следующей главе Перфецкий показывает развитие средневековых городов и городского управления в Подкарпатской Руси, а также этнические процессы на этой территории. Данное произведение Перфецкого получило целый ряд рецензий. В 1925 г. в чешском историческом журнале «Český časopis historický» была опубликована критическая рецензия А. Л. Петрова, который заявил, что работа Перфецкого не охватывает все необходимые источники и не содержит каких-либо новых сведений¹⁷. Эту критику, однако, нельзя считать объективной, она была результатом предвзятого отношения к Перфецкому, поскольку сам Петров в это время считался главным специалистом по истории Подкарпатской Руси. Из его рецензии видно, что ее тенденциозность была вызвана желанием любой ценой приуменьшить значение труда Перфецкого. Анализ множества других рецензий на данную работу очевидно демонстрирует, что представленное исследование Перфецкого основывается на большом массиве изданных и оригинальных архивных источников, показывает хорошее знание автором научной базы, наработанной во время многочисленных исследовательских стажировок. И хотя его работа, определенно, имеет ряд недостатков, например недостаточно полное объяснение различий колонизации по немецкому и валашскому праву, в любом случае она во многих аспектах внесла свой значи-

¹³ См.: *Perfeckij E.*: 1) Dvě stati k dejinám Podkarpatskej Rusi // Sborník FF UK. Roč. 1. Č. 6. 1922. S. 115–132; 2) Ideologizmus ruskej historiografie // Prúdy. 1922. Č. 9–10. S. 574–588; 3) Hlavné vývojové stupne v cirkevných dejinách Podkarpatskej Rusi // Prúdy. 1924. Č. 1. S. 2–11; 4) Boj za národnostnú a náboženskú samostatnosť cirkvi v Podkarpatskej Rusi // Prúdy. 1924. Č. 8. S. 147–153; 5) Podkarpatská Rus. Praha, 1923.

¹⁴ *Perfeckij E.* Dvě stati k dějinách Podkarpatské Rusi // Sborník filozofickej fakulty University Komenského v Bratislave. Roč. I, č. 6. Bratislava, 1922–1923. S. 115–132.

¹⁵ *Перфецкий Е. Ю.* Обзор угрорусской историографии. С. 291–341.

¹⁶ *Perfeckij E.* Sociálně-hospodářské poměry Podkarpatské Rusi ve st. XIII.–XIV. Bratislava, 1924.

¹⁷ *Petrov A. E.* Perfeckij. Sociálně-hospodářské poměry Podkarpatské Rusi ve st. XIII.–XIV. Bratislava, 1924, 148 s. // Český časopis historický. Roč 31. 1925. S. 389–404.

мый вклад в науку. В этом же году вышла рецензия на нее и в словацком журнале «Пруды»¹⁸.

В первой половине XX в. изучению русских летописей в Словакии посвящали себя два русских ученых-эмигранта — лингвист В. А. Погорелов¹⁹ и историк Е. Ю. Перфецкий. С целью проведения исследования в рамках своей работы о древнеславянских средневековых источниках Е. Ю. Перфецкий в 1920-е гг. осуществил ряд научных стажировок в Дрезден (1924, 1926 гг.), Львов (1924 г.), Будапешт (1924 г.), Вену (1923, 1924, 1926 гг.), Прагу и Трнаву, результатом которых стала серия научных публикаций, привлечших к себе внимание европейских историков²⁰.

Научное наследие Е. Ю. Перфецкого свидетельствует о нем как о достойном продолжателе исследований русской летописей, сформировавшемся в рамках школы изучения русского летописания А. А. Шахматова. Результаты его компаративных исследований по русскому летописанию в сравнении с летописанием немецким, польским, венгерским и чешским значительно продвинули существовавшие знания. Анализ русского летописания Е. Ю. Перфецкий осуществлял в Словакии, находясь в плодотворной научной полемике с другим эмигрантом из России — профессором Университета им. Я. А. Коменского, лингвистом В. А. Погореловым²¹. Их историко-лингвистический междисциплинарный подход представлял для словацкой как исторической, так и литературно-лингвистической среды в годы ее становления фундамент, на который она смогла опереться. Оба ученых имели очень хорошие научные контакты и сотрудничали с такими чешскими славистами, как Ярослав Бидло, Любор Нидерле, Константин Иречек, Милош Вейнгарт, Йозеф Мацурек, профессор Ватрослав Ягич в Вене и с другими известными славистами в Польше и Германии. Весьма тесные контакты поддерживал Е. Ю. Перфецкий с норвежским славистом Олафом Броком, который, как и он, находился в активной переписке

¹⁸ Рец.: *Húsek J. Perfeckij E. Sociálně-hospodárske pomery Podkarpatské Rusi ve století XIII–XV.* Bratislava. 1924, 148 s. // *Průdy.* 1925. Č. 6. S. 365–367.

¹⁹ В. А. Погорелов родился 3 апреля 1872 г. в Санкт-Петербурге, а умер 2 сентября 1955 г. в Мюнхене. Его отец был генералом русской армии, поэтому его детство и студенческие годы проходили главным образом в местах военной службы отца. Базовое образование получил в Тифлисе, гимназические годы провел в Санкт-Петербурге, Киеве и Феодосии. Университетское образование по специальности «славянская филология» получил в Варшаве и Москве. Из России Погорелов эмигрировал в Болгарию в 1920 г., где работал преподавателем гимназии в Софии, а в 1923 г. прибыл в Братиславу, начав преподавать на философском факультете Университета им. Я. А. Коменского. Здесь в 1940 г. он был избран профессором славянской филологии, преподавая историю древнейшей русской литературы и русской палеографии. В Словакии научные заслуги В. А. Погорелова касались, прежде всего, сфер изучения старословацкого языка и сравнительной славянской филологии. В конце войны, под влиянием событий на военных фронтах, он переехал в Мюнхен, где до своей смерти работал частным учителем языков. См.: *Harbulová L. Ruská emigrácia a Slovensko.* S. 103–110.

²⁰ К наиболее значимым относятся работы: *Perfeckij E.*: 1) Русские летописные своды и их взаимоотношения = *Ruské letopisné svody a jejich vzájemný poměr* // *Spisy FF UK.* 1922. T. 1. S. 1–101; 2) *Die deutsche Quelle der Sazaver Chronik* // *Archiv für slawische Philologie.* 1925. Bd. 10, Hft. 1–2. S. 16–41; 3) *Die Opatowizer Annalen. Eine Bomischmährische Kompilation* // *Jahrbucher für Kultur und Geschichte der Slawen.* 1927. Bd. 3, Hft. 1. S. 9–46; *Перфецький Е.* Перемишльський літописний кодекс першої редакції в складі хроніки Яна Длугоша // *Записки наукового товариства імені Шевченка.* Т. CXLVII. Львів, 1927. С. 1–54; Т. CXLIX. Львів, 1928. С. 31–83; Т. CLI. Львів, 1931. С. 19–56.

²¹ *Pogorielov V.*: 1) *Ruský letopis Nestorov a Slovensko* // *Kultúra.* T. V. 1933. S. 536–539; 2) *Die russische Nestorchronik und die Slowakei* // *Carpatica Slovaca.* 1943–1944. T. 2. S. 195–199; 3) *Spíšské cyrilské úlomky XII.–XIII. storočia* // Bratislava. 1929. T. 3, č. 1. S. 81–87.

с А. А. Шахматовым и В. Ягичем. Перфецкий познакомился с норвежским профессором во время своих научных поездок в Вену. В фонде Перфецкого из личного архива М. Даниша находятся письма О. Брока Е. Перфецкому, по которым можно судить о добрых отношениях между этими учеными²². Кроме всего прочего, обоих связывали дружеские отношения с И. В. Ягичем и А. А. Шахматовым. Олаф Брок еще до их знакомства опубликовал несколько работ по угрорусскому наречию Земплинского комитата (одного из регионов Восточной Словакии)²³. Как пишет Т. П. Лёнгрен, уже была частично опубликована переписка О. Брока с его научным руководителем В. Ягичем и сделан первый шаг в публикации его переписки с русским другом и коллегой А. А. Шахматовым²⁴. О. Брок поддерживал переписку со многими европейскими славистами, лингвистами, историками и литературоведами. В Норвежской национальной библиотеке находится объемный архив О. Брока,

²² «Дорогой друг! Как трудно иногда устроить свои дела. Ваше письмо из Знойма (город в Моравии, Чешская Республика. — М. Д.), написанное 18 апреля, я оставил перед собою на письменном столе с намерением ответить поскорее; а дела мелочные разнейшего рода все мешали. Прошли дни, прошли даже недели, без того, чтобы я успел. Это мне тем более постыдно, и больно даже, как вижу из Вашего письма от 12 мая, полученного третьего дня, что чувствуете себя как-то виноватым предомною — именно из-за моего невольного попустительства. Ради Бога, бросьте эти мысли! Мне Ваше письмо было и очень понятно, и очень мило. Понимаю Ваше чувство одиночества, беззащитности, Ваше желание найти сочувствующих людей в холодном мире; понимаю то глубокое чувство, которое связывает все Ваше существо с родителями и с Ягичем — с мертвыми, но для Вас еще живыми; и дай Бог Вам сохранить именно это чувство, что дорогие Ваши все еще живут около Вас — до того времени, когда, надеюсь, Ваши нервы найдут то равновесие и спокойствие, которых бурные события отняли у Вас как у столь многих, — у Вас тем больше, что Ваше здоровье не из крепких. Итак, Вы не стыдитесь! А как говорите в последнем письме, между прочем, что никогда больше не увидите с Линой Мертль, вместе с которой послали мне милую поздравительную открытку, то я против этого скажу: “Напротив, отчего же?” Она — доброе, милое существо, она связывает Вас с памятью о любимом учителе и почти что отце; Вы, напротив, сохраняйте это знакомство! Из первого Вашего письма я подметил особенное Ваше желание, чтоб я при случае сказал Бернекеру доброе словечко о Вас. С большим удовольствием. Надо добавить: переписка с ним стала чересчур жидкой, но случай когда-нибудь уж найдется. А за теплые пожелания в том письме благодарю от сердца; поздно теперь, но, несмотря на то, позвольте ответить “Воистину Воскрес!” А из второго Вашего письма я вижу, что уже “Воскрес”. Он для Вас в новой энергии, с которою сосредоточиваете себя около своего труда. Вы потерпели некоторое разочарование; оказалось Вам не столь легким издавать свои труды; потребуется, может быть, и двойная обработка, надо будет, может быть, перевести, т. е. материал и соображения еще лишний раз, чтобы облегчить помещение при нынешних трудных обстоятельствах — я так догадываюсь, хотя, может быть, и ошибаюсь. Если же это так, то не надо унывать — пусть золото пройдет еще раз огонь, оно будет чище. Я очень занят Вашими мыслями о взаимных отношениях — так сказать всего летописания Средней и Восточной Европы, о связывании этого умственного занятия былого времени в одну культурную картину и изъяснением взаимных связей и влияний; это громадная и плодотворная задача. Начинайте! Увидите потом, что нити этого узла поведут Вас еще дальше; ибо с немецким летописанием, не сомневаюсь, связано летописание всей остальной «Западной» Европы, — исторические занятия средневекового французского и северного миров. Итак, простите ужасное опоздание мое. Вы не бойтесь “изливаться” мне. В том нахожу доверие и симпатию. И не обращайтесь слишком много внимания, если ответа не последует сейчас — тут постоянно масса мелочных дел. Если Карпинский придет в Прагу, то просите Францева передать ему мой привет, — я его видел в П. прошлой весной, между прочим, на свадьбе Сонечки Шахматовой, и отдал ему, конечно, свой визит. Милый он старик. Вести из Ленинграда за последнее время были очень пестрыми, гонения продолжают даже в усиленном виде. Искренне Ваш Олаф Брок» (Письмо О. Брока Е. Перфецкому 18.05.1924 // Фонд Перфецкого. Архив М. Даниша).

²³ *Broch O. Zum kleinrussischen in Ungarn (Dialect von Ublua) // Archiv für Slavische Philologie. № 17. Berlin, S. 321–416.*

²⁴ *Лёнгрен Т. П. «Друг и помощник человечества»: переписка норвежского слависта Олафа Брока // Вестник Альянс-Архео. 2015. № 12. С. 83.*

где хранятся письма более 450 корреспондентов, среди которых и письма Е. Ю. Перфецкого²⁵. Через Брока в трудное военное и послереволюционное время передавались письма И. В. Ягича А. А. Шахматову²⁶, но в воспоминаниях Е. Перфецкого упоминается, что такая же передача писем была доверена и ему²⁷. Ценным источником информации о научных и личных связях между Е. Перфецким, И. В. Ягичем, А. А. Шахматовым, О. Броком и другими славистами с конца XIX в. по 1930-е гг. являются воспоминания Е. Перфецкого²⁸. В них он тепло пишет об И. В. Ягиче, с которым он постоянно консультировался насчет своей научной работы, поддерживая с ним контакты до самой его смерти в 1923 г. Перфецкий собрал и сохранил очень много ценной информации о жизни и научных связях В. Ягича²⁹.

Очевидно, что близкие научные связи поддерживал Е. Ю. Перфецкий и с рядом русских и украинских историков-эмигрантов, среди которых были В. А. Францев, А. В. Флоровский, А. А. Кизеветтер, Д. И. Дорошенко и др. Например, в архиве философского факультета Университета им. Я. А. Коменского сохранился рукописный отзыв А. А. Кизеветтера о творчестве Перфецкого, написанный в 1925 г.³⁰

Е. Перфецкий и В. Погорелов заложили в Словакии качественный фундамент для дальнейших исторических и лингвистических исследований не только русских летописей, но и всей истории Восточной Европы. Их работы и научная деятельность до сих пор выступают источником вдохновения для словацкой и чешской академической среды³¹. В период Первой мировой войны Перфецкий посвятил себя прежде всего изучению русских и польских летописей. Результатом этой работы стала одна из наиболее важных монографий по данной проблематике «Русские летописные своды и их взаимоотношения», которая вышла как первый том научной серии философского факультета Университета им. Я. А. Коменского в 1922 г.

Сам Перфецкий в своих воспоминаниях об этом писал так: «С выяснением дела с назначением меня в Братиславский Университет выяснялся и вопрос о напе-

²⁵ Лёнгрен Т. П. «Друг и помощник человечества»... С. 88.

²⁶ Там же. С. 93.

²⁷ Рукопись воспоминаний Е. Перфецкого // Фонд Перфецкого. Личный архив М. Даниша.

²⁸ В конце 2022 г. рукопись воспоминаний Е. Перфецкого будет опубликована профессором М. Данишем в одном из словацких научных сборников «Acta historia Posoniensia».

²⁹ Е. Перфецкий в своих воспоминаниях пишет: «Ягич одобрил мое намерение заниматься изучением западно-славянского летописания. Тем более что отчасти и сами обстоятельства благоприятствовали этим новым моим интересам. Венская библиотека Двора (Hofbibliothek), тоже Национальная библиотека (Nationalbibliothek) со своими сокровищами рукописей немецких, чешских и др. анналов охотно открывала мне двери... несколько позднее я мог заниматься в Дрездене в его Областном архиве (Landesarchiv), по чешскому же летописанию, а также и в Праге, — особенно в богатой библиотеке архива пражского Страговского монастыря. См.: Рукопись воспоминаний Е. Перфецкого.

³⁰ Вовина-Лебедева В. Г. Е. Ю. Перфецкий — исследователь летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. 2010. Т. XXXI. С. 437–438.

³¹ Например, в 2018 г. вышел в свет словацкий комментированный перевод труда летописца Нестора, подготовленный профессором М. Данишем, который открыл для научного сообщества возможность более профессионально использовать этот источник для изучения словацкой и славянской истории. В основу данного перевода лег самый старший список «Повести временных лет», представленный в Лаврентьевской летописи 1377 г. Древнерусский текст был сопоставлен с многочисленными переводами. В случае различной интерпретации шел поиск варианта, наиболее соответствующего оригиналу, что позволяет считать это издание надежной опорой для словацких специалистов в истории, языковедении, этнографии и археологии. См.: Daniš M. Nestorov letopis. Povest o dávných časoch na ruskej zemi. Bratislava, 2018.

чатании моей книги “Русские летописные своды и их взаимоотношения”, которая была написана мною еще в Советском Союзе, вывезена за границу и там окончательно обработана. Но с напечатанием очень туго шло тогда и за границей. Послевоенное время и в этом отношении дало себя чувствовать всюду за границей, особенно в Австрии, где я первое время по моем приезде за границу пребывал, а также в молодой Чехословакии, куда я вскоре уехал. И. В. Ягич всячески думал, где бы издать этот мой труд. “Как жаль, — говорил Ягич, — что мой Archiv не издается мною в настоящее время — мы там бы ваш труд в нескольких его номерах напечатали! Я в настоящее время не в состоянии Archiv продолжать, да не знаю вообще удастся ли мне его издавать далее”. Тогда как раз возникла мысль об издании в Праге журнала “Slavia”. И. В. Ягич писал тогда его редактору проф. М. М. Мурко относительно того, нельзя ли было бы напечатать ее там. Но упомянутая моя работа по объему для журнала все-таки была слишком велика. Мою работу поэтому, выходило, надо издавать отдельной книжкой, а это с денежной стороны было еще сложнее. М. С. Грушевский, бывший тогда в Вене, настаивал издать эту мою работу в одном из заграничных украинских изданий, но Ягич советовал мне, воздержавшись пока от этого, обратиться в философский факультет Братиславского университета, куда я был как раз назначен, и просить его печатать этот мой труд. Фил<ософский> фак<ультет> Брат<иславского> университета, только что тогда основанный, еще не имел в тот момент определенных средств на предполагаемое издание работ своих членов. Дело, пожалуй, и там несколько могло бы затянуться с изданием моего труда, если бы не любезная поддержка меня в этом смысле со стороны проф. М. Вейнгарда (Miloš Weingardt), подвинувшего вопрос с изданием моей работы факультетом так далеко, что уже весной 1922 г. было решено факультетом мой труд издать на русском языке как первый том “Spisú filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě”³².

Указанная работа была своеобразным продолжением научной традиции, заложенной учителем Перфецкого А. А. Шахматовым³³, который занимался исследованием самой ранней истории русского летописания и главного его источника «Повести временных лет». Шахматов в своих работах отметил наиболее значимые этапы

³² Рукопись воспоминаний Е. Перфецкого.

³³ Оценку научного вклада А. А. Шахматова в изучение древнейшего русского летописания мы находим в статье Перфецкого об идеологизмах русской историографии, изданной в 1922 г.: «Наибольшее значение имеют филологические исследования профессора Петроградского университета А. А. Шахматова, которые хотя и не являются открытием нового идеологического направления, однако благодаря своему критическому подходу формируют новое идейное основание для взгляда на историю. Критика Шахматова точно отличает элемент исторический от элемента литературно-исторического, и многое, что еще недавно считалось историческим фактом, оказалось легендой (например, сообщения о князе Олеге и княгине Ольге). Сопоставление Шахматовым русских летописей с византийскими (чем частично занимался также Василевский) и польскими (что предпринимал Бестужев-Рюмин) принесло целый ряд новых фактов по русской истории. Труды Шахматова и отчасти Ключевского подготовили почву для совершенно нового понимания русской истории. Шахматов очистил исторические факты от легенд и сказаний. Ключевский предложил же глубокий метод, основанный на поиске материально-исторического основания и объяснил суть истории в историко-экономических условиях, при которых Русская держава возникла и образовалась в огромное государство. Он же указал на факторы, которые это государство уничтожили и уничтожили в итоге. Шахматов сформировал скелет русской истории, а подход Ключевского дал этому организму тело и кровь» (*Perfeckij E. Ideologismus ruskej historiografie*. S. 585–586. — Перевод М. Даниша).

развития отдельных редакций русских летописей в XII–XIII вв., но, по сути своей, он не занимался подробно взаимоотношениями между ними. На данном этапе Шахматов не различал отдельные редакции в киевском летописании, решая, скорее, вопросы взаимоотношения «Повести временных лет» и связанных с ней летописей. Перфецкий далее развил данное направление, сосредоточившись на изучении взаимосвязей летописей XII–XIII вв. (киевской, новгородской, переяславской, волынской, галичской, владимирской, ростовской летописных традиций и др.). Отдельные летописи выступают различными редакциями, имеющими общий источник. Перфецкий в своем исследовании показал, что изначальный летописный свод, названный «Повестью временных лет», как общий источник всех последующих летописей, возник в Киеве около 1110 г. С упадком Киева, русское летописание далее развивалось уже в Новгороде и других центрах: в Галицко-Волынском княжестве в Юго-Западной Руси и во Владимирско-Суздальском княжестве на северо-востоке. В обоих княжествах возникли отдельные летописи, которые стали источниками для всех позже возникших летописей, писавшихся в других новообразованных княжествах. Их общим источником, однако, оставалась изначальное существовавшая «Повесть временных лет». Помимо этого, возник и другой прототип для летописания или переписывания летописей посредством объединения северной и южной редакции в новый свод (так называемый Владимирский полихрон), который стал основой для некоторых последующих летописей. Отдельную редакцию образует Новгородская первая летопись в старшей (синодальной список) и младшей редакциях. В Новгородской первой летописи были объединены местные известия с северной летописной редакцией. Перфецкий в указанной работе определил способ и время возникновения отдельных редакций и основанных на них конкретных источников.

В 1924 г. у Е. Перфецкого во Львове в рамках научной серии «Записок научного общества им. Шевченко» вышла работа о древнейшем русском летописании³⁴. Она стала продолжением его исследования русского средневекового летописания. В ней он доказывает, что наряду с новгородской епископской летописью, на существование которой указал уже А. А. Шахматов, существовала и Новгородская княжеская летопись, ставшая частью многочисленных русских летописных сводов.

В 1931 г. в альманахе «Братислава», издаваемом Ученым обществом им. П. Й. Шафарика³⁵, была опубликована работа Е. Перфецкого о Никоновской летописи³⁶. Данная работа касалась проблематики определения времени возникновения ее наиболее ранней части. Для этого он применяет целый ряд подходов, таких, например, как определение периода создания одного из источников Никоновской летописи — Хроники западнорусского хронографа Мартина Бельского. Анализ отдельных исторических сообщений и транскрипция западных имен позволили Пер-

³⁴ Перфецький Е. Новгородський княжий літопис і його відношення до українського літописання XII століття // Записки наукового товариства імени Т. Шевченка. Т. 134–135. Львів, 1924. С. 1–18.

³⁵ Ученое общество им. П. Й. Шафарика возникло в рамках Университета им. Я. А. Коменского в Братиславе в 1927 г. В рамках нескольких научных отделов, помимо естественно-научного, правового и лингвистического, оно также имело историко-археологический отдел.

³⁶ Perfecký E. K otázce doby vzniku letopisného svodu Nikonovského // Sborník Bratislava. 1931. Roč. V. S. 816–826.

фецкому сделать вывод о датировании Хроники Бельского периодом 1555–1558 гг., а возникновение Никоновской летописи — соответственно 1559–1562 гг.

В рамках исследования чешского средневекового летописания вышли две работы Е. Перфецкого. Его статья 1927 г. об опатовских анналах полемизирует с более ранними мнениями чешских и зарубежных историков, что данный источник был лишь краткой выжимкой из «Чешской хроники» Козьмы Пражского³⁷. Перфецкий доказывает, что при написании названных анналов были использованы и многие оригинальные, уже утраченные чешские источники, такие, как княжеская хроника, епископские анналы и записи о св. Войтехе. К ним же были позднее добавлены сообщения из анналов моравских и опатовских. Перфецкий занимался датировкой опатовских анналов, которые, согласно его расчетам, возникли в 1146–1150 гг. Вторая его работа по проблематике чешского летописания касается источников, легших в основу Сазавской хроники³⁸. Таким источником Перфецкий считает вторую редакцию утраченных и лишь в различных компиляциях неточно сохранившихся «Майнцских анналов». Вместе с тем он установил и многие аспекты связей между древними немецкими, чешскими, польскими и русскими письменными памятниками. Сравнению взаимных влияний чешского и польского летописания он посвящает работу «Общий источник древнейшего чешского и польского летописания»³⁹. К примеру, уже упомянутые «Майнцские анналы» стали источником для таких чешских и польских хроник, как «Annales Pragenses», «Annales Capituli Cracovienses», «Annales Cracovienses vetusti» или «Chronicon Sazaviense».

Проведенный Перфецким анализ перемишльского летописного кодекса⁴⁰ стал определенной подготовкой к его главным работам о польском летописании Яна Длугоша в контексте русского и немецкого летописания⁴¹. По случаю 450-й годовщины со дня смерти польского историка Яна Длугоша в рамках работы Славянского института в Праге была опубликована монография Е. Перфецкого об историческом труде Длугоша и его отношении к русскому летописанию⁴². В ней автор провел весьма плодотворный поиск источников, которые использовал Длугош при своем изложении событий русской истории как части истории польской. Мнение К. Н. Бестужева-Рюмина, который утверждал, что Длугош пользовался только южнорусской Ипатьевской летописью, Перфецкий оспорил, найдя в ней влияние Лаврентьевской летописи и многих других летописных сводов. При сравнении сообщений Хроники Длугоша с различными русскими летописями Перфецкий пришел к выводу, что главным источником для Длугоша стал русский летописный свод,

³⁷ *Perfeký E.* Die Opatowizer Annalen. S. 48–78.

³⁸ *Perfeký E.* Die deutsche Quelle der Sazaver Chronik. S. 43–70.

³⁹ *Перфецкий Е. Ю.* Общий источник древнейшего чешского и древнейшего польского летописания // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Т. 1. Ленинград, 1932. С. 207–238.

⁴⁰ *Перфецкий Е.* Перемишльський літописний кодекс першої редакції в складі хроніки Яна Длугоша // Записки наукового товариства імени Шевченка. Т. CXLVII. Львів, 1927. С. 1–54; Т. CXLIX. Львів, 1928. С. 31–83; Т. CLI. Львів, 1931. С. 19–56.

⁴¹ *Perfeký E.:* 1) *Historia polonica Jana Długosze a ruské letopisectví.* Praha, 1932; 2) *Historia polonica Jana Długosza a nemecké letopisectvo.* Bratislava, 1940.

⁴² *Perfeký E.* *Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectví.* — См. рец.: *Hájek Z.* *Perfeký E.* *Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectví.* Praha, 1932. 221 s. // *Český časopis historický.* 1932. Roč. 38. S. 668–669.

составленный прежде всего из южнорусского киевского летописного материала, а также тмутараканьского, волынского и перемышльского, к которым было добавлено несколько сообщений из северной владимирско-суздальской летописи⁴³. В Хронике Длугоша, в отличие от «Повести временных лет» и от «Начального свода», в частях, касающихся древнейшей истории, ни разу не используется в качестве источника византийская хроника Георгия Амортола. Хроника Длугоша совпадает с «Повестью временных лет» лишь до 1078 г. Перфецкий во второй части своей работы показывает, что более поздние сообщения Длугош позаимствовал из тмутараканского, волынского и перемышльского летописных сводов и связал их с именем князя Ростислава Владимировича и его сыновей⁴⁴. Наиболее интересным результатом данной работы стало то, что при сравнении русских летописей с Хроникой Длугоша второй половины XV в. Перфецкий пришел к выводу, что в то время существовал совершенно отличный от сохранившихся русский летописный свод. Следующий его вывод касается того, что самые старые части из сохранившегося древнейшего русского летописного свода не содержали изначальных сообщений из византийских хроник. Таким образом, русское летописание развивалось самостоятельно, независимо от византийского. Результаты изысканий Е. Перфецкого, определившего перемышльский свод как памятник, производный от «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи, были поставлены под сомнение М. Н. Тихомировым, который со своей стороны высказал предположение об использовании Длугошем более раннего по времени возникновения (по сравнению с вышеупомянутыми памятниками) летописного источника⁴⁵. Выводы Е. Перфецкого, несомненно, обогатили научные представления о летописных памятниках, использовавшихся Длугошем при написании хроники. Однако не позволили окончательно ответить на вопрос о происхождении русского протографа, ставшего источником его сочинения⁴⁶.

В. Г. Вовина-Лебедева опубликовала объемную статью про Е. Перфецкого как исследователя летописания⁴⁷. Она детально занималась его работами по изучению летописей и сравнивала их с трудами его учителя А. А. Шахматова и других ученых шахматовской школы — М. Д. Приселковым и Я. С. Лурье, которые не ссылались на его работы, хотя напрямую касались проблем, над решением которых он работал (особенно это касается М. Д. Приселкова). В. Г. Вовина-Лебедева считает, что причиной отсутствия упоминаний работ Е. Перфецкого в советское время можно отчасти может являться то, что ученый оказался в эмиграции⁴⁸.

Анализ и сравнение научных трудов Е. Перфецкого и М. Д. Приселкова, как последователей школы А. А. Шахматова, привели В. Г. Вовину-Лебедеву к выводам, что они развивали схему своего учителя в разных направлениях и, естественно, при-

⁴³ *Perfeký E. Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectví. S. 28.*

⁴⁴ *Ibid. S. 83.*

⁴⁵ *Тихомиров М. Н. Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша // Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 226–228.*

⁴⁶ *Карнаухов Д. В. Проблема русских летописных источников Яна Длугоша и Мачея Стрыйковского в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 346. С. 71.*

⁴⁷ *Вовина-Лебедева В. Г. Е. Ю. Перфецкий — исследователь летописания. С. 436–455.*

⁴⁸ Там же. С. 436.

шли к разным результатам, хотя изучали одни и те же сюжеты и у них поразительно совпадали даже детали⁴⁹.

Из вышеперечисленных работ видно, что Е. Перфецкий сумел и в методологическом аспекте, и при поиске отдельных аналитических фактов значительно расширить знания в области средневекового летописания. Наибольшим его вклад был в создание компаративных работ по средневековому летописанию отдельных исторических регионов Центральной и Восточной Европы.

Научные взгляды Е. Перфецкого на общественно-политическое развитие России в XVIII–XIX вв. и его отношение к власти большевиков он выразил в нескольких статьях, которые публиковал главным образом в журнале «Průdy» («Пруды»), а также и в ряде других изданий⁵⁰. В 1922 г. в он опубликовал дискуссионную статью о содержании русской историографии⁵¹. Автор дал характеристику ряду наиболее известных дореволюционных историков России, прежде всего через призму их государственно-правовых концепций русской истории и возможности предвидеть будущее развитие с учетом событий 1917 г. и в период после Октябрьской революции (историки М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, В. О. Ключевский, Н. М. Карамзин, Н. И. Костомаров, философы В. С. Соловьев, Д. С. Мережковский, славянофилы А. С. Хомяков и К. С. Аксаков). Он проанализировал работы таких известных украинских историков, как В. Б. Антонович и М. С. Грушевский, а также белорусского историка М. В. Довнар-Запольского. Прежде всего Перфецкий выделил работы своего учителя А. А. Шахматова, в то время лучшего знатока русского летописания, который при помощи критического филологического анализа летописей первым определил их значение как исторического источника и одновременно литературного памятника. В заключении он выразил оптимистическое представление о новой исторической науке в России, которая, опираясь на дореволюционную историческую науку, проявит себя главным образом при построении принципа нации. Русский народ он ассоциировал с категорией государства, которое включает в себя не только русский, белорусский и украинский национальный элемент, но и другие, неславянские народы России. Перфецкий верил, что монархия и большевизм в России — явления временные, и в будущем должен наступить период существования свободной России, объединенной на принципе некоего государственного национализма (патриотизма).

В седьмом выпуске журнала «Пруды» за 1923 г. Перфецкий опубликовал статью о русском славянофильстве, Ф. М. Достоевском и его отношении к русской интеллигенции⁵². В восьмом выпуске были напечатаны две статьи Перфецкого по истории религии в Подкарпатской Руси⁵³, одна — к 125-летию со дня рождения

⁴⁹ Там же. С. 454.

⁵⁰ См.: *Perfekij E.*: 1) *Ruské slavianofilstvo // Průdy*. 1923. Roč. 7, č. 6. S. 290–297; 2) *Slavianofil Konstantin Aksakov ako historik // Průdy*. 1926. Č. 1. S. 15–21; 3) *Michal Bakunin a Slovanstvo // Průdy*. 1926. Č. 5–6. S. 311–313; 4) *Ruské evrazijstvo // Průdy*. 1927. Č. 4. S. 225–232; 5) *Myšlienkové Rusko v dobe cára Petra I // Průdy*. 1927. Č. 10. S. 541–548; 6) *Berlínsky kongres 1878 a Slovanstvo // Průdy*. 1929. Č. 2. S. 67–73.

⁵¹ *Perfekij E.* *Ideologismus ruskej historiografie*. S. 574–588.

⁵² *Perfekij E.*: 1) *Ruské slavianofilstvo*. S. 290–297; 2) *Dostojevský a ruská inteligencia // Průdy*. 1923. Roč. 7, č. 8. S. 406–410.

⁵³ *Perfekij E.*: 1) *Hlavné vývojové stupne v cirkevných dejinách Podkarpatskej Rusi*. S. 2–11; 2) *Boj za národnostnú a náboženskú samostatnosť cirkvi v Podkarpatskej Rusi*. S. 147–153.

А. С. Пушкина, а вторая — о значении Царьграда в истории России и стремлении России овладеть им в XIX — начале XX в.⁵⁴ В 1925 г. в этом же издании вышла работа Перфецкого о значении реформаторской деятельности Петра Великого в России. В ней он критиковал славянофилов, отмечая заслуги царя в модернизации государства. И хотя речь шла о юбилейной статье по случаю 200-летия со дня смерти русского правителя, она была научно обоснована в стремлении объективно представить место Петра I в истории России⁵⁵.

В этом же году Е. Перфецкий опубликовал в третьем выпуске сборника философского факультета Университета им. Я. А. Коменского в Братиславе обширную научную статью о деятельности немецкого ученого Г. В. Лейбница в России при Петре Великом⁵⁶. Его работа по истории русско-немецких отношений в начале XVIII в. имела не только информативный, но и исследовательский характер. На основании не только уже зафиксированных, но и оригинальных архивных материалов он показывает влияние Лейбница не только на культурные, но и на административные реформы в России в период правления Петра. Сам Лейбниц обращал внимание русского правителя на возможность успешного и подходящего применения в его политике реформ древних сохранившихся в России институтов⁵⁷.

В 1926 г. в серии Трудов философского факультета Университета им. Я. А. Коменского в Братиславе ученый опубликовал работу о короле Матее Корвине и его правлении в Подкарпатской и Галицкой Руси⁵⁸. Данная публикация представляла междисциплинарное литературно-историческое изложение возникновения, формирования и распространения легенд о короле Матее в регионах Галиции и Подкарпатской Руси. Материал исследуемой эпохи он изучает в широком контексте пространства Центральной и Восточной Европы, пытаясь найти аналогии у других, особенно славянских народов, в том числе чешских и словацких.

В том же году в журнале «Пруды» были напечатаны статьи Е. Перфецкого о славянофиле К. С. Аксакове и его исторических трудах, о двух идеологических течениях в России в начале XIX в., о взглядах Михаила Бакунина на славянство и об отношении русских славянофилов к религии⁵⁹. В статье о К. Аксакове автор рассмотрел полемику Аксакова с историческими трудами С. М. Соловьева и Н. М. Карамзина по истории России, которые считал прозападными. Против их взглядов Аксаков выступил в работе «О старой жизни славян вообще и русских в отдельности», которая вышла в 1852 г. и в значительной мере повлияла на исторические работы Н. И. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина, а также белорусского историка М. В. Довнар-Запольского⁶⁰. В работе о двух идеологических течениях в России XIX в. Перфецкий затронул проблему славянофильского (национально ориентиро-

⁵⁴ *Perfekcij E.*: 1) Puškin // Prúdy. 1924. Roč. 8, č. 6. S. 370–372; 2) Rusko a Carihrad // Prúdy. 1924. Roč. 8, č. 4. S. 246–249.

⁵⁵ *Perfekcij E.* Car Peter Veliký ako reformátor štátu // Prúdy. 1925. Roč. 9, č. 5. S. 290–294.

⁵⁶ *Perfekcij E.* Car Petr I. a Leibniz // Sborník FF UK v Bratislavě. Roč. III, č. 34 (8). Bratislava, 1925. S. 1–22.

⁵⁷ *Ibid.* S. 18.

⁵⁸ *Perfekcij E.* Podkarpatské a haličskoruské tradice o králi Matyášovi Corvinovi // Sborník FF UK v Bratislavě. Roč. IV, č. 42 (4)–43(5). Bratislava, 1926. S. 1–62.

⁵⁹ *Perfekcij E.*: 1) Slavianofil Konstantin Aksakov ako historik // Prúdy. 1926. Č. 1. S. 15–21; 2) Dva ideologické smery v Rusku na počiatku XIX stor // Prúdy. 1926. Č. 3. S. 172–176; 3) Michal Bakunin a Slovanstvo. S. 304–312; 4) Ruski slavianofilovia a náboženstvo // Prúdy. 1926. Č. 9. S. 564–570.

⁶⁰ *Perfekcij E.* Slavianofil Konstantin Aksakov ako historik. S. 18.

ванного) и прозападного видения России в историческом и политическом контекстах. Его работа о Бакуanine была посвящена 50-летию со дня его смерти (1876 г.). Анализ жизненного пути Бакунина, сделанный Е. Перфецким, полемичен и оригинален: от славянофильства и панславизма через анархизм и социализм он пришел к идеям федерализма в Европе. Бакунин говорил о свободе личности и мышления, о том, «что каждый народ, каждая провинция, каждый населенный пункт имеет безусловное право на свободную жизнь, если только их внутреннее устройство не представляет опасности для свободы соседей»⁶¹. Как отмечал в заключении Е. Перфецкий, анархические взгляды Бакунина не были настолько анархическими, насколько о них обычно говорится⁶². В ноябрьском номере журнала (1926 г.) ученый опубликовал и короткую статью об отношении русских славянофилов к религии. Хотя автор обратил внимание на негативное и критическое отношение славянофилов (А. С. Хомяков) к церковным идеалам западноевропейского мира, в заключении он подчеркнул значение славянофильства в формировании русской национальной идеологии⁶³.

В одиннадцатом выпуске «Прудов» (1927 г.) вышли статьи Е. Перфецкого о предвестниках большевизма в России, русском евразийстве и идейных течениях в России при царе Петре I⁶⁴. Как о предшественниках русского большевизма (нечаевщине) Перфецкий, помимо учения Карла Маркса, пишет о некоторых направлениях славянофильства, об идеалистическом анархо-социализме Бакунина и мессианизме А. И. Герцена. Большевизм Перфецкий определял как социальный максимализм и отмечал, что для понимания русского большевизма нужно читать Достоевского и Чернышевского. Отцом и создателем большевистской теории он считал анархиста С. Г. Нечаева⁶⁵. Его определение большевизма очень ясно показывает, как он понимал путь исторического развития в России и почему он ее покинул⁶⁶. В статье о русском евразийстве он реагировал на целый ряд работ, которые выходили в среде русских эмигрантов, отстаивавших позиции антибольшевистского движения в духе возрождения православия в России и сосредоточения на собственном евразийском пути (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Я. Д. Садовский). Но к взглядам евразийцев Перфецкий относился критически и не считал их будущим России,

⁶¹ *Perfekij E. Michal Bakunin a Slovanstvo*. S. 312.

⁶² *Ibid.* S. 311–313.

⁶³ *Perfekij E. Ruskí slavjanofilovia a náboženstvo* // *Prúdy*. 1926. Č. 9. S. 569–571.

⁶⁴ *Perfekij E.*: 1) *Nečajevština r. 1867. Predchodca ruského boľševizmu* // *Prúdy*. 1927. Č. 1. S. 3–8; 2) *Ruské Evrazijstvo* // *Prúdy*. 1927. S. 225–232; 3) *Myšlienkové Rusko v dobe cára Petra I a pozdejšie*. S. 541–548.

⁶⁵ *Perfekij E. Nečajevština r. 1867*. S. 3–10.

⁶⁶ Перфецкий так характеризует большевизм: «Как явление психологическое, большевизм — это прежде всего проявление социального максимализма. Большевизм стремится к моментальному осуществлению всех своих целей. Он не желает ждать. Он хочет уничтожить все старое одним взмахом руки. Содержание большевистской идеи составляет мировой переворот во имя коммунизма. Чтобы понять русский большевизм, необходимо внимательно читать произведения Достоевского. Большевистский тип представляют герои произведений Достоевского Ставрогин и Смердяков. Оба они, подобно большевикам, ставят и решают вопрос о границах дозволенного. В морали и политической тактике большевики также являются максималистами. <...> Ради осуществления своей великой цели для них все является допустимым. Ради достижения счастья человечества можно пожертвовать жизнями миллионов людей. Террор для большевиков свят, поскольку только насилею открывает двери для достижения цели, как полагает большевизм» (*Perfekij E. Nečajevština r. 1867*. S. 3–4).

ее духовным авангардом. В работе об идеологических течениях в России в период правления царя Петра Великого он отмечал такие фигуры, как Г. В. Лейбниц и Кристиан Вольф, которые содействовали реформаторской деятельности государя в основном в области науки, образования и управления страной. Он отмечал интерес Петра к славянским ученым из Чехии, Силезии, Моравии и Словакии, к работам Я. А. Коменского, к ученым из Киево-Могилянской академии — первого высшего учебного заведения в Восточной Европе. Ее выпускники Феофан Прокопович и Штефан Яровский принимали активное участие в церковных реформах в России. Религиозному и духовному возрождению России в начале XVIII в. значительно содействовал и другой выпускник Киевской академии — Димитрий Ростовский. Их идейными продолжателями позже стали Г. Сковорода, русские славянофилы и В. С. Соловьев⁶⁷.

Пятидесятилетие русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии от турецкого ига послужило поводом для многих русских ученых-эмигрантов обратиться не только к балканским событиям второй половины 1870-х гг., но и к истории «восточного вопроса»⁶⁸. В тринадцатом выпуске журнала «Пруды» (1929 г.) Е. Перфецкий опубликовал статью о внешней политике России во время правления Александра II после Берлинского конгресса 1878 г.⁶⁹ В журнале «Словенские погляды» («Slovenské pohľady») за 1929 г. вышла работа Перфецкого о положении философии и науки в России в конце XVIII в.⁷⁰ В ней содержится целый ряд очень интересных наблюдений о русской и экспортированной в Россию науке и философии (Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, А. И. Галич, Г. С. Сковорода).

Обширное исследование Перфецкого, посвященное отношениям России и Китая, приводится в журнале «Пруды» за 1930 г. На основании ряда исторических примеров (колонизация азиатской части России, международные договоры России и Китая XIX в., строительство Транссибирской магистрали, панasiatские идеи князя Э. Э. Ухтомского) он анализировал значение и содержание русско-китайских отношений, что актуально и в современном политическом дискурсе⁷¹. В семнадцатом выпуске (1932 г.) этого журнала напечатана статья Перфецкого о переговорной политике России по разоружению в Европе на этапе завершения мирового экономического кризиса. В качестве примера успешных переговоров по данному вопросу Е. Перфецкий анализировал ход и итоги первой мирной конференции по разоружению в Гааге (1899 г.), на которой русская дипломатия была весьма успешна⁷².

Профессор Е. Ю. Перфецкий постепенно познакомился и, помимо профессиональных связей, завязал дружеские контакты с некоторыми представителями словацкой интеллигенции, прежде всего с Х. Грегоровой⁷³ и Й. Грегором-Тайовс-

⁶⁷ *Perfekcij E. Myšlienkové Rusko v dobe cára Petra I. a pozdejšie. S. 546–547.*

⁶⁸ *Аксенова Е. П. Как отмечалось 50-летие русско-турецкой войны 1877–1878 гг. русскими учеными-эмигрантами // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2013. № 8–1. С. 124–134.*

⁶⁹ *Perfekcij E. Berlínsky kongres r. 1878 a Slovanstvo. S. 67–73.*

⁷⁰ *Perfekcij E. Stav filozofie a vedy v Rusku koncom XVIII stoletia // Slovenské pohľady. 1929. Roč. 45, č. 4. S. 229–236; Č. 5. S. 303–307.*

⁷¹ *Perfekcij E. Čína a Rusko // Prúdy. 1930. Roč. XIV, č. 8. S. 468–482.*

⁷² *Perfekcij E. Prvá mierová odzbrojovacia konferencia v Haagu roku 1899 // Prúdy. 1932. Roč. XVII, č. 8. S. 376–387.*

⁷³ Хана Грегорова (1885–1958) — словацкая писательница и журналистка, участвовавшая в популяризации прогрессивных идей в словацком женском движении, которому противостояли консервативные круги. Является автором книг для молодежи. Активно публиковала статьи

ким⁷⁴. Именно благодаря им уже в 1924 г. Перфецкий смог проникнуться словацкой жизнью. И хотя жизнь в эмиграции он переносил весьма тяжело, что заметно по его личной переписке и постоянному страху за его близких, оставшихся на родине, особенно за его мать, он постепенно привык к Словакии⁷⁵. Из личной переписки Е. Ю. Перфецкого ясно, что его контакты с представителями словацкой научной и культурной среды были богаты и интенсивны до самой его кончины⁷⁶. Е. Ю. Перфецкий поддерживал тесные контакты и с художником Иваном Жаботом, который родился в Словении, а после учебы в Вене и Праге поселился в 1912 г. в Липтовском Микулаше⁷⁷.

Несмотря на свою научную и культурно-общественную деятельность, Е. Ю. Перфецкий, как и большинство русских эмигрантов, в межвоенный период в Словакии чувствовал себя, по существу, изолированным и замыкался в себе. В новой для себя стране он оставался иностранцем, испытывавшим вечную тоску по исторической родине. О стремлении Перфецкого к возвращению в Россию свидетельствуют и его непрекращающиеся усилия поддерживать контакты со средой советских ученых. О его корреспонденции с академиками П. А. Лавровым и Н. С. Державиным, которая хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук

и рецензии в печати и литературных журналах. Во время своей исследовательской командировки в Вену в 1924 г. Е. Ю. Перфецкий писал Х. Грегоровой: «Дорогой друг, милая Хана, много работаю, но несколько дней назад я почувствовал, что уже более не могу далее так интенсивно трудиться, поскольку психическая усталость у меня все более усиливается. Работаю над проблемой древнейшего венгерского летописания (*Ungarische Quellenkunde*), я уже составил план работы, знаю уже и материал, осталось только его обработать. Однако это требует покоя. Сейчас я ощущаю себя переработавшим, к тому же вскоре добавятся лекции в университете, и мне очень жаль, что сейчас не могу сделать столько, сколько бы хотел. Чувствую только, что должен хотя бы две недели отдохнуть и сменить обстановку. Очень бы хотел увидеть Святой Мартин и поближе познакомиться с интеллектуальной и культурной жизнью Словакии. Моя работа о Подкарпатской Руси определено выйдет в сентябре, сейчас она находится в печати. Это будет отдельная работа с исторической картой Подкарпатской Руси и с резюме на французском языке. Я бы хотел эту работу продолжить. Благодаря тому, что я сейчас полностью посвятил себя изучению древней истории Венгрии и Подкарпатской Руси, я смог весьма глубоко познакомиться и с историей Словакии и уже начинаю психически и органически чувствовать вашу словацкую жизнь в прошлом. Собираю материал, чтобы зимой в Братиславе написать две более крупные работы: одну о венгерских исторических источниках, а вторую, вероятнее всего, о Восточной Словакии (поскольку материал о Подкарпатской Руси был во многом связан с историей Восточной Словакии). Должен, однако, снять себе в Братиславе недорогое, но удобное, теплое и чистое помещение. Это было бы важным основанием для моей спокойной научной работы. Я не очень доволен собой, дорогая пани Хана, что чувствую себя таким уставшим. В ближайшие дни я приеду в Братиславу и поговорю с Вами обо всем и о поездке в Святой Мартин. Братислава мне начинает быть милой. Лишь бы у меня был хотя бы минимум психических и физических сил на мою научную деятельность. Желаю, чтобы все были здоровы! Целую Вам руки и передаю сердечный привет, Вам дружески преданный, Евгений Перфецкий» (см.: Письмо Е. Ю. Перфецкого Х. Грегоровой от 6 августа 1924 г. // Литературный архив Словацкой национальной библиотеки в Мартине (далее — ЛА СНБ, г. Мартин). Ф. 43: Корреспонденция Х. Грегорова — Е. Перфецкий).

⁷⁴ *Harbuľová E. Ruskí slavisti — emigranti a medzivojnové Slovensko // Slovanské štúdie. Č. 1. 1995. S. 44–50.*

⁷⁵ Его чувства отражает и следующая констатация, содержащаяся в его переписке с Х. Грегоровой: «Страдаю от поры, как я покинул Россию...» (ЛА СНБ, г. Мартин. Ф. 43).

⁷⁶ См., например, письма писателям Яну Смерку, Эмилю Болеславу Лукачу, художнику Яну Мудроху и др. (Фонд Перфецкого. Личный архив М. Даниша).

⁷⁷ *Harbuľová E. Ruská emigrácia a Slovensko. S. 101.*

пишет и М. Ю. Досталь⁷⁸. Перфецкий в письме П. А. Лаврову от 15 июня 1928 г. объяснял неизбежность своей эмиграции прежде всего причинами научного характера: «В конце 1921 г. я отправился в эмиграцию для поиска в тамошних архивах материала по немецкому, польскому, чешскому летописанию, чтобы подготовить свою работу о древнерусском летописании, вышедшую в 1922 г.»⁷⁹. К П. А. Лаврову он обратился в 1928 г. с просьбой опубликовать его работу «Общий источник древнейшего чешского и древнейшего польского летописания», изданную в 1932 г.⁸⁰ под редакцией Н. С. Державина, которая, по словам Перфецкого, могла бы стать для него дверью для возвращения в Россию⁸¹. Идея возможного возвращения на родину отразилась и в последнем письме Перфецкого Лаврову от 28 декабря 1928 г. Лавров, конечно, не мог порекомендовать Перфецкому вернуться в СССР, считавшему власть большевиков «игром»⁸².

Скорее всего, уже в конце 1920-х гг. Перфецкий понял, что его возвращение на родину останется только мечтой. В 1928 г. он подал документы на гражданство Чехословацкой Республики, которое получил в 1929 г. В 1930-х гг. он продолжал информировать Н. С. Державина о своих научных изысканиях, а в 1945 г. сообщил ему о намерении издать в Советском Союзе работу по истории взаимосвязи польского и немецкого летописания⁸³. Контакты с академиком Державиным способствовали Е. Ю. Перфецкому в подготовке книжного издания словацкого перевода его труда по истории южных и западных славян, который, однако, остался лишь в рукописи. Эта рукопись была найдена доктором Я. Поляковой в библиотеке философского факультета Университета им. Я. А. Коменского в Братиславе как неидентифицированный перевод. Однако никто иной, кроме профессора Перфецкого, не мог в то время иметь интереса к переводу работы Н. С. Державина в Словакии. Об этом свидетельствует и переписка Перфецкого с академиком Державиным, который дол-

⁷⁸ *Dostalová M.* Bratislavské roky historika Eugena Julianoviča Perfeckého. S. 52–55.

⁷⁹ *Ibid.* S. 53.

⁸⁰ *Перфецкий Е. Ю.* Общий источник древнейшего чешского и древнейшего польского летописания. С. 207–238.

⁸¹ Исследователь М. Ю. Досталь (*Dostalová*) в своем исследовании цитирует слова Е. Ю. Перфецкого: «Я и моя супруга (словачка, Бог нам подарил и маленькую дочку, Клавдию) мечтаем о России, поскольку только она является для нас целью. Но, как вернуться, не знаю. Профессор О. И. Брех мне советует вернуться в Россию... Буду Вам очень благодарен, высокоуважаемый Петр Алексеевич, если упомянутая мной статья будет там при возможности опубликована в ближайшее время, поскольку это, естественно, будет иметь свое большое значение и для возможности моего возвращения в Россию, к которому я стремлюсь». Супругой Перфецкого была Анна Садлонёва (*Anna Sadloňová*). В браке у них было четверо детей: в 1927 г. родилась Клавдия, в 1931 г. — Борис, в 1933 г. — Евгения, а в 1941 г. — Любовь. См.: *Dostalová M.* Bratislavské roky historika Eugena Julianoviča Perfeckého. S. 54.

⁸² *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 220.

⁸³ М. Ю. Досталь приводит следующую цитату из письма Е. Ю. Перфецкого: «Я далее работаю в области науки об источниках, славянских и западноевропейских. После публикации моей работы о польской хронике Длугоша и о русском летописании, которую я в свое время Вам имел честь послать, отправлю Вам дальнейшие исследования о Длугоше: книгу о Длугоше и немецком летописании (1940). Я попытался выяснить определенные связи между западноевропейскими и восточноевропейскими хрониками. Это отразилось в некоторых моих статьях и докладе, с которым я выступил на Восьмом конгрессе историков в Цюрихе в 1938 г.» (*Dostalová M.* Bratislavské roky historika Eugena Julianoviča Perfeckého. S. 52).

жен был стать, в свою очередь, посредником в Академии наук СССР для принятия к публикации его работ в Советском Союзе.

После 1940 г. профессор Перфецкий наряду со своей педагогической деятельностью начал интенсивно работать над подготовкой издания «Истории Руси в Средние века». Из этого обобщающего труда он успел подготовить для Словацкой академии наук только первый том, сохранившийся в рукописи⁸⁴. После 1945 г., помимо лекций в Братиславском университете, он читал курс славянской истории в Оломоуцском университете. В 1946/1947 г. он был избран деканом философского факультета Университета им. Я. А. Коменского. Однако все его планы были перечеркнуты преждевременной смертью, случившейся 18 августа 1947 г. Похоронен Е. Ю. Перфецкий в Братиславе. После скоропостижной кончины ученого несколько лет курс лекций по истории Восточной Европы на философском факультете университета в Братиславе продолжал профессор Йозеф Мацоурек из Университета им. Т. Г. Масарика в Брно. В начале 1950-х гг. продолжил путь Е. Перфецкого доктор Эмилиан Ставровский, который позже стал профессором восточнославянской истории в Университете им. Я. А. Коменского.

References

- AksenoVA E. P. Kak otmechalos' 50-letie russko-turetskoi voiny 1877–1878 gg. russkimi uchenymi-emigrantami. *Slaviĭanskii mir v tret'iem tysiacheletii*, 2013, no. 8–1, pp. 124–134. (In Russian)
- Broch O. Zum kleinrussischen in Ungarn (Dialect von Ublua). *Archiv für Slavische Philologie*, 1895, no. 17, pp. 321–416.
- Daniš M. *Nestorov letopis. Povest' o dávnych časoch na ruskej zemi*. Bratislava, Slovenský spisovateľ Publ., 2018, 319 p.
- Daniš M. Evgenij Julianovič Perfeckij a jeho podiel na rozvoji slovenskej historickej vedy. *Acta historica Posoniensia XXIX. O. Losskij a podiel ruskej inteligencie v emigrácii na rozvoj slovenskej vedy*. Bratislava, Stimul FiF UK Publ., 2015, pp. 20–28.
- Dostaľová M. Bratislavské roky historika Eugena Julianoviča Perfeckého. *Slovanské štúdie*, 1998, no. 1, pp. 51–57.
- Grivna V. Eugen Perfecky (11.4.1888 — 18.8.1947). *Naukovii zbirnyk Muzeiu ukrainskoi kultury u Svidniku*, 1977, no. 8, pp. 363–380. (In Ukrainian)
- Harbulová L. Ruskí slavisti — emigranti a medzivojnové Slovensko. *Slovanské štúdie*, 1998, no. 1, pp. 44–50.
- Harbulová L. *Osobnosti politického exilu z Ruska na Slovensku v rokoch 1920–1945*. Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity Publ., 2015, 135 p.
- Harbulová L. *Ruská emigrácia a Slovensko. (Pôsobenie ruskej poctôbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939)*. Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity Publ., 2001, 235 p.
- Karnaukhov D. V. Problema russkikh letopisnykh istochnikov Iana Dlugosha i Macheia Strykovskogo v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istoriia*, 2011, no. 346, pp. 69–73. (In Russian)
- Lyonngren T. P. «Drug i pomoshchnik chelovechestva»: perepiska norvezhskogo slavista Olafa Broka. *Vestnik Al'ians-Arkheo*, 2015, no. 12, pp. 82–97. (In Russian)
- Matejko L. Slavistické súvislosti historiografie. *Štúdium slovanských filológií na FiF UK v Bratislave*. Bratislava, TRI Médium Pub., 1996, pp. 16–25.
- Pogorielov V. Die russische Nestorchronik und die Slowakei. *Carpatica Slovaca*, 1943–1944, vol. 2, pp. 195–199.
- Pogorielov V. Ruský letopis Nestorov a Slovensko. *Kultúra*, 1933, vol. V, pp. 536–539.

⁸⁴ В Центральном архиве Словацкой академии наук в Братиславе (Фонд SAV. 75 (P-4). K. 27) существует запись о рецензии на рукопись. Сама рукопись текста была найдена в этом архиве М. Данишем только в 2021 г.

- Pogorielov V. Spišské cyrilské úlomky XII. –XIII. storočia. *Bratislava*, 1929, vol. 3, no. 1, pp. 81–87.
- Robinson M. A. *Sud'by akademicheskoi elity: otechestvennoe slavianovedenie (1917 — nachalo 1930-kh godov)*. Moscow, Indrik Publ., 2004, 432 p. (In Russian)
- Tikhomirov M. N. *Russkii letopisets v «Istorii Pol'shi» Iana Dlugosha. Istoricheskie sviazi Rossii so slavianskimi stranami i Vizantiei*. Moscow, Nauka Publ., 1969, 375 p. (In Russian)
- Vovina-Lebedeva V. G. E. Y. Perfecky — issledovatel' letopisaniia. *Vspomagatelnye istoricheskie distsipliny*, 2010, vol. 31, pp. 436–455. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 8 февраля 2022 г.

Рекомендована к печати 8 июня 2022 г.

Received: February 8, 2022

Accepted: June 8, 2022